

РЯБОВА Марина Юрьевна / Marina RYABOVA

| Антропоцентризм лингвистических категорий: хронотоп |

РЯБОВА Марина Юрьевна / Marina RYABOVA

Россия, Кемерово.
Кемеровский государственный университет. Факультет романо-германской филологии.
Кафедра английской филологии №1. Заведующая кафедрой.
Доктор филологических наук, профессор.

Russia, Kemerovo.
Kemerovo State University. Department of English Philology №1.
Doctor of Philology, Professor.

mriabova@inbox.ru

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ: ХРОНОТОП

В статье рассматривается вопрос антропоцентризма лингвистических категорий, основывающихся на принципе реконструкции образа человека по данным языка и в системе языка. Лингвистический антропоцентризм воплощен в идеологии антропоморфизма (уподобление формы человеку), что автоматически относит лингвистику как науку к категории антропологических. Наивная концептуализация мира средствами языка прослежена на примере анализа семантики темпоральности и категории хронотопа в английском и русском языках, демонстрирующих реализацию принципа антропоморфизма в языковом сознании.

Ключевые слова: антропологизм, антропоцентризм, антропоморфизм, наивная картина мира, концептуализация, темпоральность, хронотоп, дейктическая категория

The Anthropocentrism of Linguistic Categories: Chronotope

The article deals with the problem of the anthropocentrism of linguistic categories, based on the principle of restructuring the image of Man through language data and the system of language. Linguistic anthropocentrism is presented in the ideology of anthropomorphism (the similarity of a language's form to that of Man), which automatically refers linguistics as a science to the anthropological category. A naïve conceptualization of the world through language means it is analyzed according to the semantics of temporalization, and the category of chronotope in the English and Russian languages. This demonstrates a realization of the anthropomorphic principle in the language mind.

Key words: anthropocentrism, anthropomorphism, naïve picture of the world, conceptualization, temporality, chronotope, deictic category

Сегодня пафосом многих работ, посвященных исследованию языковых проблем, является декларация антропологизма как новой парадигмы лингвистики и гуманитарной науки в целом. Действительно ли антропологизм — новый поворот в лингвистике?

Идеология антропоцентризма в лингвистике начинает формироваться в середине 70-х и начале 80-х годов двадцатого века. Ее становление связано с появлением работ, исследующих проблему субъективности в языке, т. е. так называемые эгоцентрические категории, которые отражают присутствие говорящего в языке. Такие категории были названы Ю. С. Степановым субъективными антропоцентрическими категориями языка, описанными в качестве языковых моделей, в основе которых лежат антропоцентрические координаты: «Я», «здесь»

и «сейчас»¹. Сущность данных языковых феноменов состоит в том, что говорящий актом своего говорения утверждает себя как «Я», присваивает в момент речи свое «Я», допускающее переменные референты для обозначения себя и только себя, тем самым присваивает себе весь язык, накладывая на него координаты того времени, когда он говорит, т. е. настоящего времени говорения, того места, где он говорит, т. е. места произнесения речи, и заставляя слушающего принять эти координаты и сообразоваться с ними.

Известно, что центральной категорией прагматики является категория субъекта, сквозь которую проецируются все

¹ Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). — М.: Наука, 1981. — 360 с.

РЯБОВА Марина Юрьевна / Marina RYABOVA

| Антропоцентризм лингвистических категорий: хронотоп |

другие дейктические категории языка, например, временная и пространственная координаты, образуя единую трехмерную координату высказывания: Я — Здесь — Сейчас.

Само слово «субъект» имеет как минимум два основных значения: это познающий и действующий человек, противостоящий внешнему миру как объекту познания и преобразования, и подлежащее, субъект предложения. Семиотика литературы и искусства имеет дело с первым, а семиотика языка — со вторым пониманием. Одна из основных линий прагматической интерпретации высказывания заключается в расслоении «Я» говорящего на «Я» как подлежащее предложение, «Я» как субъекта речи и «Я» как внутреннее «Эго», которое контролирует самого субъекта². Расслоение «Я» естественно связано с расслоением временных планов высказывания, которое протекает параллельно расслоению субъекта. Прием расслоения субъекта и временного расслоения не раз использовался в искусстве, например, в произведениях А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Э. Хемингуэя, К. Мэнсфилд и др. Известно применение приема расслаивающегося времени и в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени». Это повествование о различных и вместе с тем сосуществующих пластах времени: настоящего, настоящего мгновением раньше, настоящего чуть более отдаленного, прошедшего близкого, прошедшего отдаленного, прошедшего утраченного навсегда. Как представляется, расслоение субъекта и времени в высказываниях художественного текста отражает многослойность референции, которая присуща реальному функционированию семиотической системы языка. Поэтический язык меньше всего отсылает к реальности, по сравнению с любым другим употреблением языка, его референция к ней осуществляется посредством сложной стратегии, которая включает в качестве существенного компонента отмену и, по-видимому, упразднение обыденной референции, присущей описательному языку. Отмена, однако, всего лишь отрицательное условие референции второго порядка, косвенной референции, построенной на руинах референции прямой. Считается, что референция второго порядка отличается от референции обыденного языка только тем, что она «подсказывает, раскрывает, выявляет (как бы это ни было названо) глубинные структуры реальности, с которыми мы соотносимся, будучи смертными, рожденными в мир и пребывающими в нем определенное время»³. Таким образом, основное отличие речи о реальном мире (то есть обыденного описательного языка в форме прямых речевых актов) от речи о мире литературного произведения заключается в типах референции: первичной или вторичной.

Представляется, что отличие между вторичными формами речи, т. е. литературным текстом, и прямыми формами речи, вероятно, можно проследить на формальном уровне логического анализа с помощью понятий экстенционала и интенционала, или экстенционального и интенционального миров. Под интенционалом принято понимать «совокупность семантических признаков»⁴, стабильное ядро, устойчивую часть вари-

тивного контенсионала и/или функцию от возможных миров к объектам соответствующего типа, выбирающей экстенционал лексической единицы в каждом возможном мире⁵.

Экстенционал обычно понимается как «совокупность предметов внешнего мира, которые определяются этой совокупностью признаков»⁶, множество денотатов, с которыми соотносится понятие и/или класс всех реально существующих предметов, к которым этот термин правильно приложим.

Понятие возможного мира восходит к понятию «модель», а понятие модельного множества является основой теории возможного мира. «Модельное множество представляет собой описание возможных положений дел»⁷. С другой стороны, понятие возможного мира может соотноситься с так называемым «культурным миром», который, согласно У. Эко, не является ни реальным, ни возможным в онтологическом смысле. Это мир, в котором функционирует языковой код мыслящего и развивающегося человеческого сообщества (с его эстетическими текстами, идеологиями и т. п.)⁸. Очевидно, понятие возможного мира, культурного мира или мира художественного (литературного) является подмножествами единого множества инвариантных миров.

Возможный мир создается средствами языка. Это мир литературного дискурса, мир художественной литературы, состоящий из имитированных речевых актов, или квази-речевых актов, отображающих определенные параметры мира и создающих тем самым отчетливую картину возможного мира, являясь миром самим по себе. Дихотомию естественного описательного языка в форме прямых речевых актов и языка художественной литературы в форме вторичных (или имитационных) речевых актов можно представить, помимо оппозиции реального и возможного миров, или экстенционального и интенционального миров, и в виде разных моделей языков, существующих внутри естественного языка. Так, вслед за Ю. С. Степановым, можно считать, что грамматика естественного языка может быть наиболее адекватно описана как сочетание разных «слоев», «пластов» или «языков» в одной системе. Другим принципом разделения языков является принцип иерархии языковых рангов: языка низшего порядка (преимущественно семантического), языка более высокого ранга (семантического и синтаксического) и языка самого высокого ранга (семантического, синтаксического и прагматического)⁹.

Итак, признак, который отличает модель языка самого высокого ранга (языка художественного текста) от других языков, обычно заключается в неисчерпанности, открытости смысловых связей текстов (в силу преобладающих в них интенциональных значений). В художественном тексте вступает в действие механизм произвольных связей, т. е., как считает Б. М. Гаспаров, все в принципе «может оказаться связанным со всем, связи заведомо не ограничиваются общезыковыми,

² Степанов Ю. С. В мире семиотики // Семиотика. — М.: Радуга, 1983. — С. 30.

³ Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С. 427.

⁴ Степанов Ю. С. В мире семиотики. Указ. соч. — С. 20.

⁵ Парти В. Х. Грамматика Монтегю, мысленные представления и реальность // Семиотика. — М.: Радуга, 1983. — С. 285–305.

⁶ Степанов Ю. С. В мире семиотики. Указ. соч. — С. 20.

⁷ Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. — М.: Прогресс, 1980. — С. 44.

⁸ Eco U. A Theory of Semiotics. — Bloomington: Indiana Univ. Press, 1979. — P. 61.

⁹ Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. — М.: Наука, 1985. — 332 с.

РЯБОВА Марина Юрьевна / Marina RYABOVA

| Антропоцентризм лингвистических категорий: хронотоп |

грамматическими правилами, так как художественный текст имеет свою грамматику. Возникает презумпция «открытости» связей, неисчерпаемости этих связей и смыслов»¹⁰. Автор как бы запускает в действие, а читатель принимает машину, генерирующую открытый смысл: основной структурный косяк, наверняка сознательно сконструированный автором и воспринятый читателем, плюс перспектива все более сложных и факультативных соотношений, плюс сознание принципиальной открытости данного ряда — все это в совокупности и формирует смысл художественного текста. При этом одним из признаков, подчеркивающих смысловую многосложность, или интенциональность художественного текста, является смена и чередование временных планов, или, иначе, расслоение временной референции, отражающей объективное реальное время и время художественное как сложное переплетение трех порогов восприятия — автора, читателя, персонажей.

Художественное время как неотъемлемый компонент интенционального языка является элементом художественного отражения мира. Моделирование художественной действительности невозможно без временных отношений. Однако художественное время это не взгляд на проблему времени, а само время как оно воспроизводится и отражается в словесном произведении, это своеобразная форма бытия идеального мира эстетической действительности, как временной континуум изображаемых явлений, отличный от реального пространственно-временного континуума, хотя и соотносимый с ним и проецируемый на него. Напомним, что произведение искусства, мир художественного текста представляет собой конечную модель безграничного мира, моделирует и частный и универсальный объект и тем самым сочетает в себе временную конечность и бесконечность. «Художественное время есть диалектическое единство конечности и бесконечности. Как проявление частного, оно имеет черты индивидуального времени и характеризуется началом и концом. Как отражение безграничного мира оно характеризуется бесконечностью временного потока. В этом двойном подобии художественного текста — части мира и всему миру — заключена одна из особенностей временной координаты той картины мира, которая создается в произведении искусства, и своеобразии соотношения реального и художественного времени»¹¹.

Основным принципом антропоморфизма в языке следует считать реконструкцию образа человека по данным языка или исследование так называемой наивной картины мира, т. е. языка, на котором фиксируется картина мира человека. Наивная картина мира представляет собой определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую систему взглядов, так называемую коллективную философию, которая навязывается носителям языка.

По мнению Ю. Д. Апресяна, в наивной картине мира можно выделить наивную физику пространства и времени, наивную этику и наивную психологию. Так, из анализа пар слов

русского языка типа: хвалить, льстить, смотреть, подсматривать, свидетель, согладтай, любознательность, любопытство, гордиться, кичиться — можно извлечь представления об основополагающих заповедях русской наивно-языковой этики. Например: «нехорошо преследовать узко корыстные цели» — помогать, льстить, сулить; «нехорошо вторгаться в частную жизнь людей» — подсматривать, подслушивать, согладтай, любопытство¹².

Наивная картина мира, конструируемая языковым сознанием, моделирует, хотя и донаучные, но тем не менее сложные представления о физике пространства и времени. Например, отношения темпоральности в таком языке как английский, представлены в виде сложной иерархической системы упорядоченных грамматических форм глагольной системы вида, времени и таксиса. Указанная система грамматических категорий реконструирует языковые представления о темпоральности в понятиях одновременности — последовательности; предшествования — следования; синхронии — диахронии; раньше чем — позже, до; настоящее, прошлое, будущее, будущее отдаленное, будущее близкое, будущее возможное, будущее маловероятное и т. д. Данные языковые средства, отражающие наивные представления об устройстве пространства и времени, вполне коррелируют с фактами современной научной картины мира.

В современной физике время и пространство неотделимы друг от друга и образуют единую координату пространство-время. Научная физическая мысль развивалась независимо от философии и психологии, считая, что время (как и пространство) обладает объективным существованием вне нас, в силу чего предлагалось выразить это отношение математически. Новая физика в своих воззрениях на проблему времени опирается в основном на идеи теории относительности Эйнштейна, состоящие в следующем: каждая из двух систем, движущихся друг относительно друга, имеет свое собственное время, воспринимаемое и измеряемое наблюдателем, движущимся вместе с одной из систем. Понятие пространства, взятое в отдельности, лишено смысла. Реально только существование пространства и времени, т. е. мир физических явлений является четырехмерным в пространственно-временном смысле¹³.

Время ассоциируется в языке посредством пространства, т. к. опыт восприятия пространства предстает как более простой и естественный по отношению к времени. «Пространство постигается эмпирически, в процессе непосредственного чувственного восприятия человека, время — умозрительно: переживать и осваивать пространство — в компетенции наших органов чувств; переживать и осваивать время — в компетенции нашего сознания»¹⁴.

Пространство и время в сознании человека легко перекодируются друг в друга. Ориентация в пространстве (право — лево) соответствует ориентации во времени (до — после); ориентация *вперед* — *позади* соотносится с понятиями *в буду-*

¹⁰ Гаспаров Б. М. Устная речь как семиотический объект // Семантика и номинация устной речи: Учен. зап. Тартуского ун-та, 1978. Вып. 442. — С. 106.

¹¹ Тураева З. Я. Категория времени: Время грамматическое и время художественное. М.: Высшая школа, 1979. — С. 29.

¹² Апресян Ю. Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — С. 351.

¹³ Бунге М. Пространство и время в современной науке // Вопросы философии. 1970, №3. — С. 91.

¹⁴ Успенский Б. А. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) // Избранные труды. Т. 1. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — С. 40.

РЯБОВА Марина Юрьевна / Marina RYABOVA

| Антропоцентризм лингвистических категорий: хронотоп |

щем — в прошлом. И эти понятия легко перекодируются друг в друга, ср. в английском языке: *right along* — всегда, все время, непрерывно, постоянно; *right away (off)* — немедленно, сейчас же, тотчас же; *right now* — сейчас же.

В древнеславянской культурной традиции были выделены этимологические и семантические оппозиции слов, означающих правую и левую стороны, руку и т. д. и связанные с ними признаки. Так, по данным Н. И. Толстого, оппозиция *левый* — *правый* соответствует корреляциям слов: *ближний* — *дальний*, *ранний* — *поздний*, *зима* — *весна*¹⁵.

Понятиям *впереди* — *позади* соответствуют признаки *до* и *после*, ср.: *The worst is behind us (Самое страшное уже позади (позади — прошлое))*; *I am looking ahead to meeting you (Впереди нас ждут приключения (впереди — будущее))*.

Таким образом, понятия *впереди* и *слева* ассоциируются с будущим, а понятия *сзади* и *справа* — с прошлым, что должно соответствовать простой логике представления времени как однонаправленной прямой, движущейся от прошлого к будущему или слева направо.

Вместе с тем языковая практика изобилует примерами противоположного рода, ср.: *In the following years (back — later)*; *In the preceding years (front — earlier)*; *Прежде, предшествование*, которые этимологически, очевидно, восходят к слову *перед*, однако обозначают не будущее, а прошедшее, ср.: *предыдущий день* (впереди идущий), *следующее воскресенье*. Б. А. Успенский отмечает, что если время осознается как пространство, то временной процесс в сущности предстает как путешествие, и будущее в этом путешествии последовательно находится на горизонте нашего кругозора, впереди, подобно тому, как всегда находится впереди горизонт нашего движения¹⁶.

При современном подходе время рассматривается как нечто постоянное и неподвижное, а мир движется “мимо” него в направлении от прошлого к будущему. Представление о движущемся мире лежит в основе таких выражений как: *предстоящий год*; *по достижении назначенного срока*; *недалеко то время, когда*¹⁷.

Попытка объяснить кажущееся противоречие языкового употребления понятий *левый* — *правый*, *передний* — *задний*, *прошлое* — *будущее* с помощью различных моделей времени содержится в работе Н. Д. Арутюновой. Осознание времени человеком может осуществляться согласно двум моделям восприятия: модели Пути человека и модели Потока времени¹⁸.

Модель Пути основана на метафоре движения (*идти, приходиться*) и места, занимаемого Путником (*перед, позади, после*) и др. Впереди шествуют по линии пути *пред-ки*, за ними идут *потом-ки*, ср.: *перво-проход-цы, по-след-ователи*. Прошедшее — это то, что впереди, перед человеком (*предшествование, предыстория, предисловие*). Будущее — то, что наступит после, потом, то, что стоит позади (т. к. линия времени движется

справа налево — от будущего к прошлому, ср.: *наследие, послеловие, последствие*).

Модель Потока времени предполагает, что “ветер времени дует идущим в спину, поток уносит их к праотцам”. В этой модели важно движение, продолженность и продолжительность времени, ср.: *пришла весна*.

Наступление новой эры (Христианства) изменило модель времени, которое стало восприниматься движущимся от прошлого к будущему (справа налево). Изменились и языковые выражения: *пред-стоящий* (будущий), *впредь* (- имеет только временное значение будущего); *Наперед не надо ничего загадывать; перед войной; впредь он будет вести себя благоразумно*¹⁹.

Таким образом, время, описываемое в терминах пространственных метафор, легко допускает противоречия, которые обусловлены исторической изменчивостью представлений человека о времени.

Ассоциация времени с движением прослеживается и в действенном употреблении глаголов движения *come* и *go* в темпоральном значении, ср.: *In the coming years (come — later, в будущем)*; *In the years gone by (go — earlier, в прошедшем)*; *Пришла весна; пришел день праздника; Время идет, течет, проходит, длится, тянется, грядет, приближается и т. д.; Прошедший год; time flies! (время летит!)*

Б. А. Успенский отмечает этимологическую связь слова “время” со словами *вертеть, вращать*. Слав. *Vr m* < *verm < *vert-mp восходит к индоевр. корню *vert-/vort* “поворачивать, вращать”, от которого происходят старослав. глаголы *вратити, вращати* и соответствующие древнерус. формы *воротити, ворочати, вѣртѣти*. От этого же корня происходит и древнерус. *Верста*. Слав. *Vr m* соотносится с древнеинд. *v rtmān* “поворот колеса, оставляемый колесом след, колея, дорога”²⁰. Ср.:

Беженская мостовая!
Гикнуло и понеслось
Опрометями колес
Время! Я не поспеваю
(М. Цветаева).

Связь времени и пространства прослеживается и в таких выражениях английского языка, как: *to take place — происходить, случаться; to be behind time — опаздывать; to be in time for something — быть вовремя; It's high time — время для чего-то; All the year round — весь год и т. д.*

М. М. Бахтин ввел в теорию литературы и художественного творчества понятие хронотопа, которое опирается на взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе. При этом особенно важным видится “выражение неразрывности пространства и времени (время как четвертое измерение пространства)”. В хронотопе, по Бахтину, “приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем”²¹. Семантика темпорально-пространственных отношений в языке

¹⁵ Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: «Индрик», 1995. — С. 153.

¹⁶ Успенский Б. А. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема). Указ. соч. — С. 41.

¹⁷ Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Темпоральный дейксис. Общие замечания // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. — М.: Наука, 1992. — С. 236–242.

¹⁸ Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 896 с.

¹⁹ Там же. С. 693.

²⁰ Успенский Б. А. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема). Указ. соч. — С. 64.

²¹ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. — М.: Художественная литература, 1975. — С. 235.

РЯБОВА Марина Юрьевна / Marina RYABOVA

| Антропоцентризм лингвистических категорий: хронотоп |

интерпретируется в аспекте антропоморфного принципа категоризации человеком объективной реальности, при котором «человек оказывается точкой, которая задает перспективу видения мира».

Таким образом, на примере анализа лингвистической категории темпоральности и художественной категории хронотопа можно определить антропологическую лингвистику как науку, проецирующую образ человека на реалии бытия, при этом базовыми понятиями антропологической лингвистики становятся «сам человек и естественный язык в их объективно существующей взаимосвязи», при помощи языка человек картирует окружающий мир и себя в этом мире²².

Описание категорий хронотопа и темпоральности в языке позволяет сделать вывод о том, что принцип антропоцентризм

является в определенной степени естественным, базовым признаком большого числа лингвистических категорий, относящихся к числу субъективных, эгоцентрических или действительных (т. е. опирающихся на координату субъекта речи), что предопределяет отнесенность лингвистики в целом к антропоцентризму. Между понятиями антропологической лингвистики и образом человека существует неразрывная связь: естественный язык и человек не существуют друг без друга, язык погружен в некое семиотическое пространство смыслов, а человек погружен в пространство языка, которые объединяются отношениями пространственно-временного континуума, определяющими смысл человеческого бытия. Антропологизм в лингвистике не может представлять собой «новый поворот», антропологизм — это естественная линия движения науки о языке.

²² Ю. М. Малинович. Антропологическая лингвистика как интегральная наука // Антропологическая лингвистика: концепты, категории. — Москва-Иркутск: изд-во ИГЛУ, 2003. — С. 20

